Этика жизни

Автор:
Томас Карлейль

Этика жизни

Томас Карлейль

Librarium

Томас Карлейль (1795-1881) – известный британский писатель, публицист, историк и философ шотландского происхождения. Стал знаменит благодаря многотомным сочинениям «Французская революция», «Герои, почитание героев и героическое в истории», «История жизни Фридриха II Прусского». Известен всему миру как один из самых выдающихся стилистов викторианской эпохи.

« Этика жизни », написанная Томасом Карлейлем в 1902 году, – пожалуй, одна из ценнейших книг о человеке. Само произведение – это свод главных тезисов писателя из его прошлых сочинений. Автор погружает в материалистическое понимание истории, разбирает с читателем идею важности личности, положив в основу цивилизации исключительно личностный долг, проповедуя труд, чувство нравственности и веры.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Томас Карлейль

Этика жизни

THOMAS CARLYLE

ETHIQUE DE LA V I E

Перевод с английского языка Е. И. Синерукой

© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2021

Трудиться…

Надо жить! Вот они, роковые слова!

Вот она, роковая задача!

Кто над ней не трудился, тоскуя и плача.

Чья над ней не ломилась от дум голова?..

С. Я. Надсон

I. Надо жить, а не прозябать. Да, подумай о том, что надо жить! Жизнь твоя, хотя бы ты был самый жалкий из смертных, – не праздная греза, а действительность, полная высокого смысла! Твоя жизнь – твое достояние. Это все с чем ты можешь пойти навстречу вечности. Действуй поэтому подобно звездам: «Не торопясь, но и не зная отдыха».

II. Сколько возвышенного, торжественного, почти страшного заключается для каждого человека в мысли, что его земное влияние – влияние, имевшее начало, – никогда во веки веков не прекратит своего действия, хоть бы человек этот был ничтожнейший из нас. Что сделано, того не воротишь. То слилось уже с безграничным, вечно живущим, вечно деятельным миром. То вместе с ним действует людям на пользу или во вред, явно либо тайно, на вечные времена.

Жизнь всякого человека можно сравнить с рекой, начальное образование которой ясно для всех. Дальнейший же бег ее и ее назначение, когда она змеей извивается по широким плоскостям, один только Всевидящий может отличить. Сольется ли она с соседними реками, увеличивая собою их объем, или примет их в себя? Останется ли она безымянной речкой, своими мелкими водами вместе с миллионами других речек и рек будет ли она питать какую-нибудь мировую реку? Или из нее образуется новый Дунай или Рейн, и потоки вод ее явятся вечной пограничной линией на земном шаре, оплотом и водным путем для целых государств и материков? Мы этого не знаем, нам известно лишь одно: что путь ей лежит в Великий Океан, и что воды ее, хотя бы их было не более горсточки, существуют и не могут быть уничтожены, не могут быть и надолго задержаны.

III. Тебе дано время испытания. Никогда не получишь ты второго. Вечность пронесется, но тебе не будет дано второго такого времени.

IV. Ясные звезды и вечные солнца сияют и поныне для тех, кто способен это увидеть. И в наши дни, как и в дни минувшие, раздается голос Божий вокруг и внутри всякого человека. Голос, всем повелевающий. Если даже его никто не слышит. Голос, внятно произносящий слова: «Встань, сын Адама, сын времени. Позаботься о том, чтобы то-то и то-то стало чище, лучше, и ты сам прежде всего! Трудись и не дремли, потому что настанет ночь, когда никто не сумеет работать». У кого уши есть, чтоб слышать, тот может услышать эти слова и ныне.

V. Есть что-то облагораживающее и даже святое в труде. Как бы мало человек ни думал о своем высоком призвании, он все еще дает право возлагать на него надежды, покуда он действительно серьезно трудится. Лишь в праздности вечное отчаяние. Труд, как бы он ни был низок или корыстен, всегда тесно связан с природой.

Уже одно желание трудиться ведет все ближе и ближе к Истине, к тем законам и предписаниям природы, которые суть Истина.

Новейшее Евангелие нашего времени: Познай свое дело и исполни его. «Познай самого себя!» Твое бедное «Я» долгие годы промучило тебя, но ты, по-моему, никогда не сумеешь познать его. Не считай же своей задачей познание самого себя, потому что ты представляешь собою личность, которую тебе никогда не познать. Познай же лучше, над чем ты можешь трудиться, и работай как Геркулес! Эта система много лучше прежней.

Говорят: «Значение труда не поддается учету». Человек совершенствуется при помощи труда!

Пространства, заросшие сорной травой, расчищаются, на их месте появляются чудные нивы, воздвигаются дивные города, и сам человек перестает быть пашней, заросшей плевелами, или бесплодной, чахлой пустыней. Вспомните, что даже самый низменный труд в известной степени приводит душу в состояние истинной гармонии. Сомненья, жадность, заботы, раскаяние, разочарование, даже уныние – все эти исчадья ада мучительно осаждают душу бедного поденщика точно так же, как и всякого другого человека. Но стоит лишь человеку свободно и бодро приняться за труд, как все они умолкают и, ворча, прячутся по своим конурам. Человек становится воистину человеком. Священный жар труда похож на очистительный огонь, истреблявший любой яд, сквозь самый густой дым дающий светлое, чистое пламя!

У судьбы нет, в сущности, других средств, чтобы сделать людей культурными. Бесформенная хаотическая масса от вращения становится все круглее и круглее, и вследствие одной только силы тяжести располагается сферическими слоями. Это более не хаос, а круглая, компактная Земля. Что сталось бы с Землей, если б она перестала вращаться? По бедной старой Земле рассеяны всякие неровности и шероховатости, но все неправильное на ней беспрестанно становится правильным.

Видали ли вы когда-нибудь, как вертится гончарный станок, предмет почтенный, времен пророка Иезекииля и даже древнее того? Бесформенные комья глины одним только быстрым вращеньем превращаются в красивые, круглые сосуды. Представьте же себе самого прилежного в мире горшечника, но без станка, поставленного в необходимость изготовлять посуду или, вернее, безобразный брак, формуя глину руками и затем обжигая ее! Таким горшечником явилась бы судьба по отношению к душе человека, если б та захотела отдыхать, расположиться поудобнее, не работать и не кружиться. Из ленивого, неподвижного человека самая благосклонная судьба, подобно самому старательному горшечнику без станка, не создаст ничего, кроме брака. Сколько бы судьба не потратила на него дорогой живописи и позолоты, он останется навеки лишь браком. Из него никогда не получится сосуд, а выйдет лишь неустойчивый, безобразный, кривой, косоугольный, бесформенный брак: раскрашенный и позолоченный сосуд бесчестья! Пусть подумают об этом ленивые.

Благословен тот, кто нашел себе дело. Да не пожелает он иного благословенья. Раз он обрел его, он последует за ним. Подобно свободно протекающему каналу, с благородной настойчивостью проведенному через гнилое болото человеческого существования, подобно все более и более глубоко пролагающему себе путь потоку, труд мало-помалу уносит с собой даже из отдаленнейших корней мелкой травки кислую, сгнившую воду и превращает вредоносное болото в зеленый, цветущий луг с прозрачным ручьем. Благотворно влияет река на луг, как бы она ни была мала, как бы ни была незначительна.

Труд есть жизнь. Из сокровеннейшей глубины сердца работника подымается Богом дарованная сила, святая, небесная жизненная эссенция, которую всемогущий Бог вдохнул в человека. Всей душой пробуждается человек, чутко воспринимая все благородное, – и всякое знание, и «самопознанье», и многое другое – как только он правильно примется за труд. Знание? Крепко держитесь того знания, которое при работе доказывает на деле свое значение. Потому что сама природа оправдывает такое знание, подтверждает истинность его. В сущности, у человека и нет других знаний, кроме тех, что приобретены путем труда. Все остальное – лишь научные гипотезы. Гипотезы, о которых спорят в школах, гипотезы, несущиеся в облаках и кружащиеся в бесконечном логическом водовороте, пока мы не проверим их на опыте. «Сомнению, какого бы рода оно ни было, может положить предел одна только деятельность».

Известно ли вам, далее, значение терпенья, мужества, выдержки, готовности осознать свою ошибку и постараться в другой раз лучше исполнить свою работу?

Всем этим добродетелям нигде нельзя научиться, как только в борьбе с суровыми силами действительности. Посадите какого-нибудь доброго сэра Кристофера среди развалившейся кучи почернелых «камней», глупых, не сочувствующих архитектуре, епископов, педантов-чиновников и вялых поборников веры и посмотрите, создаст ли он когда-нибудь в таких условиях собор Святого Павла! Грубыми, неотесанными, неподатливыми оказываются вещи и люди, начиная с мятежных каменщиков и ирландцев-подносчиков, кончая инертными поборниками веры, педантичными чиновниками, глупыми, не сочувствующими архитектуре епископами. Все это существует на свете не ради сэра Кристофера, а само для себя. Кристоферу нужно всех победить, всех пересилить, если только он на это способен. Все эти условия против него. Даже всегда справедливая природа, и та лишь отчасти за него, и грозит стать и вовсе против него, если ему не удастся ее покорить! Даже денег достать неоткуда! Благочестивая щедрость Англии рассеяна по стране, далека, неспособна

заговорить и сказать: «Я тут». Ее надо прежде окликнуть, и тогда только она отзовется. Благочестивая щедрость и вялая готовность помочь так тиха и невидима, как боги, а затруднения и многочисленные препятствия говорят так громко и стоят так близко! О, бодрый сэр Кристофер, надейся тем не менее на первых и выступи против всех остальных. Покори и победи их трудом, терпением, умением, выдержкой и силой, и установи, наконец, победоносно последний ключ в своде купола Собора Св. Петра, твоего памятника на многие столетия!

Да, помощь всякого рода и благочестивый отклик людей и природы всегда безмолвны и не могут заговорить или выйти на свет Божий, пока с ними не заговорят. Всякое благородное дело вначале «невозможно». На самом деле возможность осуществить такое дело всегда есть. Но ее нужно отыскать в Неизмеримом пространстве, а это доступно одной только вере. Подобно Гедеону, ты должен разложить свое руно у входа в свой шатер, чтобы узнать, не найдется ли под обширным небесным сводом немного благодатной росы. Твое сердце и твоя жизненная цель должны походить на чудесное руно Гедеона, распростертое с безмолвной мольбой к небу, и из бесконечности на тебя низойдет благословенная, удовлетворяющая тебя роса.

Всякий труд человека похож на работу пловца. Необозримый Океан грозит поглотить его и, если пловец не будет мужественно бороться, Океан сдержит свое слово. Но человек беспрерывно и разумно противится волнам, мужественно борется с ними, и послушно несет его море и победителем доставляет к цели. «Точно так же… – говорит Гёте, – обстоит дело со всем, за что берется человек в этом мире».

Отважный мореплаватель, северный морской властелин – Колумб, мой герой, самый царственный из повелителей моря! Не радостная окружает тебя обстановка здесь, на чудовищных, глубоких волнах. Вокруг тебя мятежные, малодушные люди, позади тебя – гибель и позор, перед тобой – непроницаемый мрак ночи. Брат, эти дикие водные горы с бесконечно-глубоким основанием не ради тебя одного очутились здесь. На мой взгляд, у них много своего дела, и не заботятся они о том, чтоб нести тебя вперед. Ревущие ветры, пляшущие гигантский вальс сквозь царство хаоса и бесконечности, не думают том, как надувают они маленькие паруса твоего корабля, который не больше ореховой скорлупы в их глазах. Ты не стоишь среди членораздельно разговаривающих друзей, брат мой. Ты окружен неизмеримыми, безмолвными, дикими, ревущими, обгоняющими друг друга чудовищами. Глубоко в недрах их скрыта одному

твоему сердцу лишь видимая помощь тебе. Постарайся добыть ее. Терпеливо обождешь ты, пока безумный юго-западный шторм пронесется. Ловко пользуясь своими знаниями, ты спасешься и смело, решительно пустишься вперед, когда подует благоприятный восточный ветер – олицетворение Возможности. Ты сумеешь строго обуздать мятеж экипажа. Ты весело ободришь малодушных, впавших в уныние. Но жалобы, неразумные речи, утомление, слабость – и других, и свою собственную – ты спокойно оставишь без внимания. В тебе должна найтись, в тебе найдется сила молчания, глубокого, как море, – молчания безграничного, известного одному только Богу. Ты станешь великим человеком. Да, мой мировой боец, ты должен стать выше этого шумного, бесконечного мира, окружающего тебя.

Сильной душой, как руками борца, охватишь ты мир, и заставишь его нести тебя дальше – к новым Америкам – или куда еще захочет Бог!

VI. В сущности говоря, всякий истинный труд – религия, и всякая религия, которая не является трудом, может нравиться браминам, пляшущим дервишам, кому угодно, только не мне. Я преклоняюсь перед изречением древних монахов: «Laborare est огаге» («Трудиться – значит молиться»).

Старше всех проповедуемых Евангелий было Евангелие непроповедуемое, невысказанное и, тем не менее, неискоренимое, вечно живущее, гласящее: «Трудись и в труде находи благоденствие». Человек, сын земли и неба, разве в глубине сердца твоего не скрыт дух бодрящей деятельности, сила, призывающая к труду, воспламеняющая тлеющий огонь, не дающая тебе покоя, пока ты не развернешься, пока ты не дашь силе той воплотиться в добрых делах! Что несистематично и неясно, то ты приведешь в порядок и обработаешь, заставишь повиноваться тебе и нести плоды. Всюду, где царит беспорядок, ты должен выступать в качестве непримиримого врага. Подави беспорядок. Водвори порядок, покорный не хаосу, а Разуму, Божеству! Если на пути твоем растет репейник, выкопай его, чтоб на его месте могла вырасти полезная травка. Попадется тебе не употребленный доселе кусок хлопчатника, собери его белый пух, начни прясть и ткать его, чтоб вместо бесполезной соломы получить хорошую ткань и прикрыть ею нагое тело человека.

Но первым делом, как только столкнешься ты с невежеством, глупостью и грубостью, нападай на них неустанно, не знай отдыха, пока жив, и, благословясь, наноси им удар за ударом. Всевышний Бог явственно повелевает тебе так поступать, если есть у тебя уши, чтоб слышать. Но то же самое

повелевает Он тебе и своим неизреченным голосом, более внушительным, чем гром Синая или рев бури. Разве ничего не говорит тебе молчание глубокой вечности, миров, лежащих по ту сторону утренней звезды? Еще не родившиеся столетия, старые гробницы с истлевшим в них прахом, даже давно высохшие слезы, когда-то орошавшие его, – не говорят они тебе разве того, чего не слыхало еще ни одно ухо? Глубокое царство смерти, звезды, никогда не останавливающиеся на своем пути, и пространство, и время, все возвещает тебе непрестанно и безмолвно: «Трудись, пока день, потому что настанет ночь, когда никто не сумеет действовать».

Всякий истинный труд свят. В каждой истинной работе, хотя бы то было просто рукоделие, есть что-то божественное. Труд широкий, как земля, упирается вершиною в небо. Труд в поте лица, в котором принимают участие и мозг, и сердце, труд, породивший вычисления Кеплера, рассуждения Ньютона, все знания, все героические поэмы, все совершенные на деле подвиги, все страдания мучеников до «кровавого пота смертного страха», признанного всеми божественным, о братья, если это – не молитва, тогда молитву надо пожалеть, потому что это – самое высокое, что до сих пор известно нам под Божьим небом.

Что ты такое, что ты жалуешься на избыток труда и работы в жизни? Не жалуйся. Взгляни вверх, усталый брат мой. Ты увидишь там, в Божьей вечности, своих сотрудников. Они еще живы, они одни еще продолжают жить – святая толпа бессмертных, небесные телохранители царства человечества. Даже в слабой людской памяти долго живут они как святые, как герои, как боги! Одни они переживают, одни они населяют неизмеримую пустыню времен! Небо, хоть и сурово, но не без милости по отношению к тебе. Небо благосклонно к тебе, как благородная мать, как та спартанка, что говорила сыну, подавая ему щит: «С ним, сын мой, или на нем!» Так и ты должен с честью вернуться домой. Так и ты (не сомневайся в том) с честью появишься в своей далекой отчизне, если ты в бою сохранишь свой щит. В вечности, в глубоком царстве смертных ты не будешь чужим, ты всюду явишься полноправным гражданином! Не жалуйся. Даже спартанцы не жаловались.

А ты кто, что позволяешь себе хвастаться своей праздной жизнью и самодовольно выставляешь напоказ блестящие, позолоченные экипажи с мягкими подушками, где ты сидишь, сложа руки, словно собираясь уснуть? Взгляни наверх, вниз, вокруг, впереди и позади себя, не увидишь ли ты где-нибудь хоть единого праздного героя, светлого Бога или хотя бы черта? Ничего этого ты не увидишь! На небе, на земле, в воде и под землей нет ничего,

похожего на тебя. Ты единый в своем роде из всех творений и принадлежишь ты нынешнему необычайному веку или пятидесятилетию! На свете существует лишь одно чудовище, и это – праздный человек. В чем его вера? Он считает, что природа – создание мечтателей; что хитрый попрошайка и вор может иногда хорошо прокормиться; что Бог – ложь, и что человек и жизнь человеческая тоже лишь ложь. Ах, кто из нас может сказать: «Я поработал»? Прилежнейшие из нас – лишь бесполезные слуги, и чем они прилежней, тем больше сознают они это. Самые старательные люди вправе сказать: «Часть жизни своей потратил я зря». Тот же, кто, за исключением «официальных случаев», не имеет другого дела, как только грациозно или неграциозно предаваться безделью и порождать сыновей, столь же праздных, что должен такой человек сказать о себе, если он хочет быть справедливым!

Что касается вознаграждения за труд, то можно бы многое сказать по этому поводу, и многое еще скажут, многое еще напишут об этом.

«Честная поденная плата за честный поденный труд» – вот минимальное требование людей! Денежное вознаграждение «таких размеров, чтоб работник мог жить и дальше работать», также необходимо для благороднейшего из тружеников, как и для ничтожнейшего, если вы хотите, чтоб он остался в живых!

Мне хочется сделать только одно замечание по отношению к верному классу, благородному и самому благородному, бросающему свет и на другие классы и на улаживание этого затруднительного вопроса о вознаграждении: награда за всякое благородное дело дается или на небе или нигде. Ни в каком банке на свете тебе, героическая душа, не учтут твоего векселя. Людьми созданные банки не знают тебя или узнают, лишь когда пройдут века и поколения, и тебя уже не сумеет достигнуть людская награда.

Но нужна ли тебе, собственно говоря, награда? Разве ты стремился к тому, чтоб за свой героизм набить себе брюхо лакомыми кусками, вести пышную, комфортабельную жизнь и достичь в этом мире или в ином того, что люди называют «счастьем»? Я за тебя отвечаю с уверенностью: нет. Вся духовная тайна новой эпохи в том и заключается, что ты со спокойной головой, от всего сердца можешь за себя решительно ответить: нет!

Брат мой, мужественный человек должен подарить свою жизнь. Подари ее, советую тебе, или ты ждешь случая приличным образом ее продать? Какая же

цена, примерно, удовлетворила бы тебя? Все творенья в Божьем мире, все пространство во Вселенной, вся вечность времен и все, что в них есть, – вот что ты бы потребовал, и на меньшее ты бы не согласился, в этом ты должен сознаться, если хочешь быть правдивым. Твоя жизнь – все для тебя, и взамен ее ты пожелал бы себе все. Ты – неразумный смертный или, вернее, ты бедный одаренный вечной жизнью смертный, и в тесной темнице мира ты кажешься неразумным. Никогда ты жизнь свою или хоть часть своей жизни не продашь за надлежащую цену. Подари же ее по-царски, пусть ценой ей будет ничто. Тогда окажется, что ты в известном смысле получил за нее все! Человек с героической душой – а разве, благодаренье Богу, не всякий человек – дремлющий герой? – должен так поступить в любое время и при всяких обстоятельствах. В самые героические времена, как и в самые негероические, человек должен сказать, как сказал Бернс про свои маленькие шотландские песни (крошечные капельки небесной мелодии в такое время, когда было столько немелодичного на свете) гордо и в то же время смиренно: «Клянусь небом, либо они бесценны, либо ничего не стоят, мне ваших денег за них не нужно!» Такое отношение должно оказать огромное влияние на урегулирование вопроса о вознаграждении за труд.

В сущности говоря, мы совершенно согласны со старинными монахами: трудиться – значит молиться. «Laborare est огаге». Во многих отношениях истинный труд на деле оказывается настоящей молитвой. Тот, кто работает, в чем бы работа его ни состояла, придает форму невидимым вещам, воплощает их, и каждый работник – маленький поэт. Его идея, хотя бы то была только идея для изготовления глиняной тарелки, не говоря уже о создании эпического стихотворения, видима пока только ему одному, и то лишь наполовину. Для всех других она – нечто невиданное и невозможное, даже для самой природы это – нечто невиданное доселе, вещь, которая до сих пор еще не была – по всей вероятности вещь «невозможная», потому что до сего времени она была Ничто! Невидимые силы имели повод охранять такого человека, потому что он творит в Невидимом и для него. Да, если взоры человека будут направлены лишь на видимые силы, тогда уже лучше ему отказаться от исполнения своей задачи. Из того Ничто, над которым он работал, никогда не выйдет ничего хорошего. Ничего, кроме обмана, кроме чего-то притворного, чего лучше и не создавать.

Если ты намерен написать стихотворение, поэт, и при этом ничего не имел в виду, кроме рецензентов, гонорара, книгоиздателя и популярности, то у тебя ничего не выйдет, потому что в твоем творении нет правды! Хотя бы оно было напечатано, прошло через массу рецензий, заслужило похвалу, продано в двадцати изданиях, – что с того? Твое произведение, на философском и на

коммерческом языке, все еще Ничто. Всего чаще лишь призрак, обман зрения. Благодетельное забвение безостановочно грызет его и не успокоится до тех пор, пока хаос, создавший его, не поглотит его снова.

Тот, кто не сдружился с невидимым и с молчанием, никогда не создаст видимого и говорящего. Ты должен спуститься к матерям, к теням усопших, и, как Геркулес, терпеть и трудиться, если ты хочешь победоносно вернуться к солнечному сиянию.

Как в бою, в сражении – потому что это действительно бой – должен ты презреть и страданья, и смерть. Радостные голоса из утопических стран изобилия, как рев жадного Ахерона, должны умолкнуть под твоими победоносными шагами. Твоя работа должна, как труд Данте, «заставить тебя похудеть на многие годы». Свет и его награда, его приговор, советы, поддержка, препятствия, должны быть как дикий морской прилив, хаос, по которому тебе приходится плавать и плыть на парусах. Не дикие волны и их, смешанные с морской травой, течения должны указывать тебе путь, а одна лишь звезда твоя должна руководить тобой – «Se tu segui tua Stella!» Одной лишь звезде своей, то ярко сияющей над хаосом, то на миг угасающей или зловеще темнеющей, одной ей должен ты постараться следовать. Нелегкая, я думаю, задача – таким образом прокладывать себе путь сквозь хаос и адскую тьму! Зеленоглазые драконы подстерегают тебя, трехглавые Церберы – не без своего рода сочувствия! «Eccoui Гиош chestato all’Inferno». Ведь в сущности говоря, как сказал поэт Дрэйден, ты действительно идешь всю дорогу рука об руку с чистейшим безумием, которого никак нельзя назвать приятным спутником! Пристально вглядываешься ты в безумие, в его неисследованное, безграничное, бездонное, мраком ночи окутанное царство, и стараешься извлечь из него новую премудрость, как Эвридика из преисподней. Чем выше премудрость, тем теснее ее близость, ее родство с чистым безумием. Это верно в буквальном смысле слова: в немом удивлении и страхе придешь ты к заключению, что высшая премудрость, пробираясь на свет Божий, часто приносит с собой приставшие к ней остатки безумия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/karleyl-_tomas/etika-zhizni

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити